
ИЗЪ ЖИЗНИ СЛОВЪ.

(Семасиологическія судьбы термина sacramentum).

I.

Слово, какъ объектъ филологическаго изслѣдованія, можетъ быть разсматриваемо и изучаемо съ двухъ сторонъ: съ внѣшней,—какъ извѣстный комплексъ звуковъ (vox), и съ внутренней,—какъ λόγος по преимуществу, т. е. какъ нѣчто, имѣющее въ себѣ разумное содержаніе, значеніе. Отсюда, аналитическая формула слова: vox + significatio.

То, чѣмъ живетъ слово, что составляетъ его душу,—vis verbi, какъ сказали бы римляне,—есть именно его significatio. И этотъ жизненный элементъ (vis vitalis) поддерживается въ словѣ, растетъ и развивается въ немъ лишь при томъ условіи, если оно постоянно употребляется въ живой рѣчи. Жизнь словъ есть постоянное воспроизведеніе ихъ говорящими, при непрерывномъ усвоеніи имъ извѣстной интеллектуальной цѣнности ¹⁾. Тогда-то они живутъ полною жизнью,—vigent, какъ говоритъ Гораций, ²⁾ и цвѣтутъ,—по его же красному выраженію,—какъ цвѣтеть юность (juvenum ritu).

Но не вѣчно слова находятся въ употребленіи (in honore). Они имѣютъ свой вѣкъ (verborum aetas), свой предѣлъ жизни, какъ и все человѣческое (debemur morti nos, nostraque). Рапо или поздно они выпадаютъ изъ живой рѣчи, какъ падаютъ

¹⁾ Darmester, La vie des mots. Paris 1887, p. 37: la vie des mots n'est autre chose que la valeur constante que l'esprit, par la force de l'habitude, leur donne régulièrement, valeur qui les rend les signes normaux des images ou idées.

²⁾ Ep. ad Pis. 62 fg. Вотъ in extenso его разсужденія относительно словъ: „ut silvae foliis pronos mutantur in annis, | prima cadunt. ita verborum vetus interit aetas, | et juvenum ritu florent modo nata vigentque. | Debemur morti nos, nostraque. . | Nedum sermonum stet honores et gratia vivax. | Multa renascuntur, quae jam cecidere, cadentque | quae nunc sunt in honore vocabula, si volet usus, | quem penes arbitrium est et jus et norma loquendi.“

осенью съ деревьевъ засохшіе листья (ut silvae foliis pronos mutantur in annos).

Впрочемъ, властный *usus*, въ рукахъ котораго *jus et norma loquendi*, можетъ снова вызвать слова къ жизни, оживить ихъ, если они начали выходить или уже вышли изъ употребленія. И происходитъ то, что можно назвать „воскресеніемъ“ словъ: *multa renascentur quae jam cecidere*.

Таковы, по Горацию, судьбы словъ: жизнь и процвѣтаніе *juvenum ritu*, умирание, смерть и снова оживленіе.

Мы сказали, что слова могутъ быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ,—какъ простой *vox* и какъ *signum* („выразительные знаки“ по терминологіи Вундта). Звуковой комплектъ представляетъ изъ себя какъ бы скелеть, остовъ слова, который является частью наиболѣе прочной и устойчивой, переходящей изъ вѣка въ вѣкъ почти съ полной сохранностью своего состава.

Наоборотъ, внутренняя сторона слова, значеніе,—представляетъ изъ себя вещь наиболѣе подвижную, наиболѣе измѣняемую. Она находится въ непрерывномъ *feri*, причемъ терпитъ иногда очень много сложныхъ преобразованій. Отъ первоначальнаго значенія, положимъ, слова, *gratia*,—внѣшняя красота (*gratia in vultu, gratia verborum, dicendi*),—до богословско-догматическаго смысла,—божественная милость, благодать,—сколько должно было произойти трансформаций! И все это совершалось въ предѣлахъ одного и того же звукового комплекса: *gratia*.

Нѣмцы называютъ эти непрерывныя модификаціи значенія—*Bedeutungswandel* ¹⁾, французы—*les deviations du sens* ²⁾, все такіе термины, которые говорятъ о странствованіи, или просто, о шатаніи, блужданіи изъ стороны въ сторону. И дѣйствительно, кажется, какъ будто слово варьируетъ свое значеніе совершенно случайно, повинуваясь лишь прихоти говорящихъ и употребляющихъ его въ рѣчи ³⁾. На самомъ дѣлѣ даже въ самыхъ причудливыхъ модификаціяхъ смысла есть своя законность, которую только надо уловить и рас-

¹⁾ Schmidt K., Die Gründe des Bedeutungswandels 1894.

²⁾ Breal, Les mots latins, cours intermédiaire, Paris 1893. chap. IV: Changements de signification.

³⁾ Напр. въ лат. языкѣ въ словѣ *pecunia* значеніе перекидывается отъ первоначальнаго „скотъ“ къ значенію „деньги“.

крыть при помощи тщательнаго анализа. Описать „модусы“ измѣненія смысла (*modes des changements de sens*), насколько они обнаружались въ исторіи употребленія извѣстнаго слова, и выяснить законмѣрность ихъ слѣдованія,—это составляетъ задачу спеціальной науки, именуемой семасіологіей.

Работающіе въ этой области исходятъ изъ того убѣжденія, что существуетъ всегда непрерывность въ развитіи значеній слова, что имя переходитъ непрерывною цѣпью, послѣдовательными звеньями значеній, отъ одного предмета къ другому ¹⁾. Хотя бы семасіологическія измѣненія происходили при наиболѣе свободномъ теченіи представленій, какъ оно наблюдается, напримѣръ, въ игрѣ воображенія и фантазія, и тутъ все-таки извѣстная законмѣрность семасіологическихъ явленій будетъ на лицо ²⁾. Нужно замѣтить, что нерѣдко семасіологъ наталкивается на такое затрудненіе: среди наличныхъ историческихъ данныхъ нѣтъ такихъ, гдѣ бы зафиксированы были посредствующія звенья семасіологическихъ переходовъ. И тогда волей неволей приходится прибѣгать къ болѣе или менѣе вѣроятнымъ предположеніямъ.

Нетвердость семасіологическихъ выводовъ побуждаетъ нѣкоторыхъ сравнивать семасіологию съ метеорологіей. Но какъ метеорологія не теряетъ значенія науки отъ гипотетичности ея заключеній, такъ не теряетъ его и семасіологія, которая еще очень недавно стала отмежевываться въ самостоятельную науку ³⁾. Среди спеціально-филологическихъ дис-

¹⁾ Милль въ своей Системѣ логики (русск. переводъ подъ ред. Ивановскаго. Москва 1897 г. стр. 118) говоритъ между прочимъ: „Даже если имя, благодаря послѣдовательнымъ переходамъ отъ однихъ предметовъ къ другимъ, въ концѣ концовъ стало прилагаться къ вещамъ, между которыми нѣтъ даже и грубаго сходства, то все таки подобное сходство мы найдемъ при каждомъ отдѣльномъ переходѣ“.

²⁾ Ср. Д. Юмъ, Исслѣдованіе человѣческаго разумѣнія (*An inquiry concerning human understanding*) русск. пер. СПб. 1902 г. стр. 22. „Мы найдемъ, что даже въ самыхъ фантастическихъ мечтаніяхъ... ходъ нашего воображенія не вполне произволенъ... что и тутъ существуетъ нѣкоторая связь между различными, слѣдующими другъ за другомъ, идеями“... Стр. 23: Если бы мы записали самый несвязный и непринужденный разговоръ, то тотчасъ замѣтили бы нѣчто связующее всѣ его отдѣльные переходы“. Это же „нѣчто связующее“ должно быть и въ семасіологическихъ явленіяхъ, поскольку они функціонально связаны съ указываемыми здѣсь психическими явленіями.

³⁾ Darmester, *La vie des mots*, p. 89.

циплинъ, дѣлящихъ между собою общее дѣло всесторонняго изученія языка и словъ, едва ли найдется другая, такъ же мало разработанная, какъ она ¹⁾. Самое названіе ея какъ-то не можетъ войти въ широкій обиходъ научной терминологіи и звучить для непривычнаго уха нѣскольکو дикимъ неологизмомъ.

А между тѣмъ эта наука, пожалуй, больше, чѣмъ какая либо другая филологическая, даетъ поводовъ къ соприкосновенію съ исторической и особенно психологической реальностью ²⁾. Мы постараемся разяснить это подробно, но предварительно намъ необходимо устранить наивный реализмъ обыденнаго сознанія, которое смотритъ на слова, какъ на нѣчто прямо и непосредственно означающее вещи. На самомъ дѣлѣ переходъ отъ вещей къ словамъ оказывается ужъ не такимъ прямымъ и непосредственнымъ. Есть промежуточные, посредствующіе моменты. Они ускользаютъ отъ поверхностнаго взгляда, но болѣе внимательный анализъ обнаруживаетъ ихъ присутствіе. Локкъ въ одномъ изъ отдѣловъ своего „*Essay concerning human understanding*“ ³⁾ даетъ, между прочимъ, такое именно аналитическое изслѣдованіе. Изъ него мы видимъ, что только путемъ очень сложнаго процесса послѣдовательныхъ подстановокъ и замѣненій слова становятся знаками вещей. Напомнимъ вкратцѣ разсужденія Локка.

Въ „*Essay*“ Локка есть специальная глава (book III, chap. II): „О значеніи словъ“ (of the signification of words), гдѣ онъ разсматриваетъ слова, поскольку они считаются знаками (marks,

¹⁾ Вслѣдствіе сравнительной еще новизны своей, семасіологія не успѣла какъ слѣдуетъ выработать и твердо установить принципы группировки семасіологическихъ явленій, но попытокъ въ томъ направленіи сдѣлано уже не мало. См. о нихъ у O. Hey, *Die Semasiologie*,—статья въ *Archiv für lat. Lexicographie und Grammatik* XI (1894), 2). Здѣсь авторъ говоритъ о значеніи, дѣляхъ и задачахъ семасіологіи, касается семасіологическихъ изслѣдованій Heerdegen'a. Necht'a. Schöder'a Schmidt'a. Филологическая цѣнность семасіологическихъ выводовъ раскрыта въ работахъ проф. М. М. Покровскаго: „Семасіологическія изслѣдованія въ области древнихъ языковъ“ и „Матеріалы для исторической грамматики лат. языка“.

²⁾ Darmester даже говоритъ, что „la science de la signification des mots fait partie de l'histoire de la psychologie (*La vie des mots*, p. 88).

³⁾ На русск. языкѣ: Локкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Москва 1898 г.

signs) идей или вещей. Люди, по его словамъ, дѣлаютъ два необоснованныхъ допущеній. Они предполагаютъ, во 1-хъ, что идеи, знаками которыхъ они дѣлаютъ слова, совершенно тождественны съ тѣми, къ которымъ прилагаютъ другіе эти же самыя слова; во 2-хъ,—что ихъ слова замѣщаютъ дѣйствительныя вещи ¹⁾. То и другое предположеніе ошибочно. Прежде всего, слова не могутъ непосредственно замѣщать (to stand for) самыя вещи. Черезъ слова мы подходимъ сначала лишь къ идеямъ и представленіямъ. Слова суть чувственные знаки идей (sensible marks of ideas), внѣшніе знаки (external signs) внутреннихъ концепцій (of internal conceptions) ²⁾. Между словами и вещами стоитъ субъективная сфера представленій. И если въ представленіяхъ мы имѣемъ блѣдную, неясную копію внѣшней дѣйствительности, то слова являются уже копіей копій, такъ какъ они замѣщаютъ собственно не вещи, а состоянія сознанія (states of consciousness), возбуждаемыя этими вещами. Напрасно, поэтому, думаютъ, что употребивъ въ разговорѣ какойнибудь терминъ, тѣмъ самымъ уже какъ бы ставятъ предъ другими самую вещь (set before others the very thing they talk of) ³⁾.

Далѣе Локкъ обращаетъ вниманіе на то, что слова, предполагающіяся соответствующими другъ другу на разныхъ языкахъ, замѣщаютъ далеко не одинаковыя идеи, что иногда, даже между людьми, говорящими на одномъ и томъ же языкѣ, слова не возбуждаютъ въ слушатель тѣхъ же самыхъ идей, знаками которыхъ были эти слова въ умѣ говорящаго ⁴⁾.

Послѣднее особенно часто случается тогда, когда слова замѣщаютъ цѣлыя собранія (collections, assemblages) простыхъ идей (of simple ideas). Такія коллективныя идеи (the complex collective ideas) уже по самой своей сложности (great composition) способны породить различіе въ пониманіи словъ, замѣщающихъ ихъ ⁵⁾.

¹⁾ Lock, Essay, B. III. ch. II, § 4: they suppose the words to be marks of the ideas in the minds also of other men with whom they communicate,—§ 5: suppose their words to stand for the reality of things.

²⁾ Lock, Essay, Book III, ch. I, § 2; chap. II, § 1.

³⁾ Ibid, chap. 10, § 22.

⁴⁾ Ibid, Book III, chap. II, § 8: they (worgs) often fail to excite in others (even that use the same language) the same ideas we take them to be the signs of.—Ср. chap. IX, § 4.

⁵⁾ Ibid. Book. III, chap. IX, § 7: names that stand for collections of ideas...

Имена очень сложныхъ идей, а таковы, большею частью, слова нравственныя (moral words), рѣдко имѣють вполне тождественное значеніе у двухъ различныхъ лицъ ¹⁾). Имена „слава“, „благодарность“ замѣщаютъ часто не одну и ту же идею въ устахъ говорящаго и слушающаго ²⁾). Многія части такихъ сложныхъ идей, какъ „убійство“, „святотатство“, не видны въ самомъ дѣйстви (напр. сознательное намѣреніе и извѣстное отношеніе къ священнымъ предметамъ) ³⁾). Въ одномъ случаѣ они войдутъ въ составъ сложной идеи, въ другомъ—нѣтъ, а между тѣмъ слова, замѣщающія эту идею, одни и тѣ же. Поэтому то, употребленіе одинаковыхъ именъ не говоритъ еще о замѣщеніи ими одинаковыхъ идей, равно какъ и наоборотъ,—различіе именъ не говоритъ еще о различіи замѣщаемыхъ ими идей.

Отсюда Локкъ приходитъ къ заключенію, что въ устахъ каждаго человѣка слова замѣщаютъ тѣ его идеи, которыя онъ хотѣлъ бы ими выразить, иначе говоря, что слова получаютъ значеніе отъ произвольнаго наложенія (a perfectly arbitrary imposition) ихъ человѣкомъ. Самъ великій Августъ, обладавшій властію надъ міромъ, признавалъ свое безсиліе установить знакомъ какой идеи долженъ быть извѣстный звукъ или слово въ устахъ его подданныхъ ⁴⁾.

Въ концѣ концовъ оказывается, что слова, которыя упо-

must needs be of doubtful signification. § 6: when a word stands for a very complex idea that is compounded and decomposed, it is non easy for men to form and retain that idea so exactly, as to make the name in common use stand for the same precise idea without any the least variation.

¹⁾ Lock, Essay, B. III, chap. 9, § 6: names of very compound ideas, such as for the most part are moral words, have seldom, in two different men, the same precise signification.

²⁾ Ibid., B. III, chap. 9, § 8: Though the names glory and gratitude be the same in every man's mouth through a whole country, yet the complex collective idea, which every one thinks on, or intends by that name, is apparently very different in men using the same language.

³⁾ Ibid. B. III, chap. 9, § 7: What the word murder or sacrilege etc., signifies, can never be known from things themselves: there by many of the parts of those complex ideas, which are not visible in the action itself; the intention of the mind, or the relation of holy things, which make a part of murder or sacrilege, have no necessary connection whit the outward and visible action of him that commits either.

⁴⁾ Ibid. B. III, chap. II, § 8; § 3: they (words) in every man's mouth stand for the ideas he has, and which he would express by them.

требляеть тотъ или другой человѣкъ, являются лишь знаками его собственныхъ концепцій, знаками, замѣщающими лишь тѣ идеи, какія находятся въ его душѣ (marks for ideas within his own mind)¹⁾. „Собственное и непосредственное значеніе словъ это идеи, находящіяся въ умѣ говорящаго“²⁾.

Однако частое употребленіе словъ во взаимной рѣчи сглаживаетъ постепенно печать первоначальной произвольности и узкой субъективности и дѣлаеть изъ словъ, сначала, орудія, „инструменты“³⁾ для сообщенія своихъ мыслей и другимъ людямъ, т. е. замѣстителями идей не только въ умѣ говорящаго, но и слушающаго; а далѣе, подъ вліяніемъ того же фактора, слова становятся замѣстителями не только идей, представленій о вещахъ, но и самихъ вещей.

Благодаря частому употребленію словъ въ извѣстномъ значеніи, между словами и обозначаемыми имъ идеями образуется очень крѣпкая и постоянная связь (a constant connection)⁴⁾. Общее употребленіе (common use) при молчаливомъ согласіи (a tacit consent) усвоеть извѣстнымъ звукамъ опредѣленныя идеи⁵⁾, и дѣлаеть ихъ такъ сказать, „регулярными“ знаками тѣхъ или другихъ понятій⁶⁾, и первоначально совершенно произвольное сочетаніе превращается въ привычную естественную связь (a natural connection)⁷⁾. „Между нѣкоторыми звуками и идеями, которыя ими замѣщаются, образуется столь тѣсная связь, что слуховое ощущеніе именъ почти такъ же легко вызываетъ извѣстныя идеи, какъ если бы чувства подверглись дѣйствительному воздѣйствію самихъ предметовъ, способныхъ произвести эти идеи“⁸⁾. Вотъ

¹⁾ Lock, Essay, Book. III, chap. I, § 2.

²⁾ Ibid., chap. II, § 7: the proper and immediate signification of words are ideas in the mind of the speaker.

³⁾ Ibid., chap. II, § 6: the instruments whereby men communicate their conceptions, and express to one another those thought and imaginations they have within their own breasts.

⁴⁾ Ibid., chap. II, § 7: so far as words are of use and signification, so far is there a constant connection between the sound and the idea.

⁵⁾ Ibid. chap. II, § 8.

⁶⁾ Ibid., chap. X, § 22: the constant regulare marks of agreed notion.

⁷⁾ Ibid., chap. IX, § 7: natural connection въ отличіе отъ necessary connection.

⁸⁾ Lock, Essay, b. III, chap. II, § 6: almost as readily excite certain ideas, as if the objects themselves, which are apt to produce them, did actually affect the senses.

что дѣлаеть привычка и частое употребленіе. Властный usus, въ рукахъ котораго, по выраженію Горация, jus et potestas loquendi дѣлаеть то, что не въ силахъ былъ сдѣлать самъ Августъ, повелитель вселенной.

Итакъ анализъ словъ, какъ выразительныхъ знаковъ, открываетъ, что къ словамъ, поскольку они играютъ роль замѣстителей объективной дѣйствительности, примѣшивается очень много субъективныхъ элементовъ. И Локкъ, съ своей гносеологической точки зрѣнія, имѣлъ основаніе жаловаться на несовершенство словъ, становящихся между нашимъ разумомъ и истиной, которую разумъ стремится созерцать ¹⁾.

Но то, что повергаетъ въ отчаяніе гносеолога,—это представляетъ большой интересъ съ психологической точки зрѣнія. Дѣло въ слѣдующемъ. Слова въ обыденномъ, а не научномъ и философскомъ употребленіи, не имѣютъ своей функціей давать адекватное опредѣленіе извѣстной идеѣ или вещи, точно обозначать опредѣленный предметъ. Имя выдвигаетъ обыкновенно какой нибудь одинъ, бросающійся въ глаза, часто совершенно случайный или же несущественный признакъ, какую нибудь одну выдающуюся черту, и такимъ путемъ намекаетъ на обозначаемый имъ предметъ. Предметъ, который называется по-латыни *fluvius* имѣетъ много характерныхъ для него признаковъ, но въ названіе попалъ только одинъ признакъ, именно текучесть (*quod fluit*).

Французскіе семасіологи называютъ это свойство или качество, которое берется для наименованія предмета, детерминантомъ (*le determinant*) ²⁾. Онъ намекаетъ на предметъ и даже болѣе того,—вызываетъ въ сознаніи цѣлостный образъ его. Поэтому то Darmester и говорить, что „имя не имѣетъ своей функціей—опредѣлять вещь, а только—вызывать ея образъ“ ³⁾.

¹⁾ Ibid., chap. IX, § 21: they interpose themselves so much between our understandings and truth, which it would contemplate apprehend, that like the medium through which visible objects pass, their obscurity and disorder does not seldom cast a mist before our eyes, and impose upon our understandings.

²⁾ Darmester, *La vie des mots*, p. 41.

³⁾ Ibid., p. 43: Le nome n'a pas pour fonction de définir la chose, mais seulement l'en éveiller l'image.

Такъ какъ, далѣе, одни и тѣ же предметы воспринимаются различными людьми съ различныхъ сторонъ, выступаютъ предъ ними въ разныхъ аспектахъ и, сверхъ того, могутъ производить на нихъ неодинаковыя впечатлѣнiя, то и выборъ детерминантовъ бываетъ обусловленъ субъективными особенностями лица или народа, дающаго имя предмету. Вслѣдствiе этого слово, напоминая намъ о предметѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ извѣстный взглядъ на него, мнѣнiе о немъ, часто весьма характерное для духовной фiзиономiи тѣхъ, кто создалъ его.

Благодаря детерминанту, заключенному въ этимологическомъ значенiи слова, вмѣстѣ съ произнесенiемъ или начертанiемъ этого послѣдняго, выносятся наружу и, такъ сказать, полагаются предъ зрѣнiемъ и слухомъ другихъ людей внутреннiя концепцiи, которыя были въ душѣ говорящихъ и употребляющихъ данное слово. Присутствiе этого субъективнаго элемента даетъ особенный колоритъ слову. Безъ него оно было бы простымъ значкомъ, въ родѣ отмѣтки мѣломъ, дѣлаемой для одного лишь внѣшняго различенiя одного предмета отъ другого, да такимъ оно и оказывается въ томъ случаѣ, когда предметъ, къ которому прилагается слово, извѣстенъ, а этимологической смыслъ, скрывающiй въ себѣ детерминантъ, остается неизвѣстнымъ.

Детерминантъ, заключенный въ этимологическомъ смыслѣ слова, можетъ дать намъ указанiя, изъ какого круга представленiй и понятiй вышло слово, и къ какому культурно-историческому моменту оно относится, какую фазу въ исторiи развитiя отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго народа оно собой характеризуетъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, уже въ этомъ своемъ этимологическомъ значенiи слово можетъ давать обильный материалъ для ис-

¹⁾ Въ предисловiи (préface) къ Dictionnaire étymologique latin, par Michel Breal et Anatole Bailly (Paris 1885) между прочимъ говорится: „Une de nos préoccupations a été de montrer, toutes les fois que cela était possible, à quel ordre de notions, à quelle face de la vie du peuple romain, à quelle portion de la culture antique appartenait primitivement chaque terme. Les divers emplois du mot s'en trouvent toujours éclaircis. La religion, le droit, l'agriculture, la guerre, la marine, les métiers manuels ont donné naissance à quantité d'expressions qui, après avoir été usitées dans un sens restreint, sont entrées ensuite dans la langue général.“

торіи и психологiи, можетъ быть „психологическимъ документомъ“.

Но этимологическій смыслъ далеко не исчерпываетъ внутренняго содержанія слова. Рѣдкое изъ словъ бываетъ съ однимъ значеніемъ. Обычно ихъ оказывается цѣлая серія, и весь кругъ значеній извѣстнаго слова можно очертить только путемъ обзорѣнія всѣхъ синтаксическихъ сочетаній, въ какія оно вступало. Синтаксическія сочетанія развертываютъ предъ нами все богатство внутренняго содержанія слова. Каждый синтаксическій оборотъ вноситъ какой нибудь новый оттѣнокъ въ смыслъ слова. Эти оттѣнки являются своего рода обертонами, осложняющими основной, этимологическій смыслъ. И какъ текущая вода сознанія омываетъ каждый умственный образъ предмета, образуя, по словамъ Darmester'a, — „ensemble d'images secondaires, qui colorent l'image principale“, ¹⁾ такъ точно и эти „вторичныя значенія слова, группируются около первоначальнаго значенія.

Каждый изъ „вторичныхъ“ смысловъ, при благоприятныхъ условіяхъ, можетъ получить особенно широкое развитіе, стать даже господствующей примѣтой слова и, такимъ образомъ, видоизмѣнить, модифицировать коренное значеніе слова. Ставши на мѣсто прежняго главнаго, вторичное значеніе создаетъ почву для новыхъ ассоціацій, новыхъ сочетаній, въ которыхъ семасіологическая эволюція идетъ дальше и дальше. Такимъ образомъ, изучая синтаксическія сочетанія, въ которыхъ встрѣчается извѣстное слово, мы можемъ наблюдать постепенный ростъ его въ семасіологическомъ отношеніи, то, что Darmester называетъ „modes des changements de sens“ ²⁾.

Что касается факторовъ семасіологическихъ измѣненій, то, поскольку слова являются замѣстителями, съ одной стороны, идей и представленій о вещахъ, а съ другой,—самихъ вещей,—факторы семасіологическихъ измѣненій могутъ быть двоякаго рода: субъективно-психологическіе и объективно-историческіе.

¹⁾ La vie des mots, p. 70. Ср. Джемсъ, Научныя основы психологiи, перев. подъ ред. Л. Оболенскаго. СПб. 1902, стр. 126 слѣд. Джемсъ при-мѣняетъ къ этому „ensemble d'images secondaires“ англ. терминъ fringe (бахрома).

²⁾ La vie des mots, p. 88.

Слова языка, человѣческія идеи и внѣшніе факты жизни представляютъ изъ себя параллельные ряды явленій, постоянно и соотносительно измѣняющіеся. Образование новаго культурнаго круга можетъ вести къ созданію новаго строя мыслей, а новый строй идей и представленій можетъ, въ свою очередь, вызвать и дѣйствительно вызываетъ измѣненія словъ. Эти факты соотносительныхъ измѣненій свидѣтельствуютъ о существованіи между указанными тремя рядами функциональной зависимости. Принимая поочередно второй и третій рядъ (субъективно-психологическіе факты и объективно-историческіе) за независимыя переменныя величины, мы можемъ разсматривать кругъ словъ какъ функцію, съ одной стороны, извѣстнаго строя идей и мыслей, съ другой,—извѣстнаго культурно-историческаго момента.

Каждый новый предметъ, новое явленіе въ жизни людей, новая идея, понятіе, требуютъ себѣ закрѣпленія въ формѣ слова. Можно конечно для новой вещи создать совершенно новый, оригинальный комплексъ звуковъ, можно также, при помощи разныхъ приставокъ къ корню, образовать отъ существующаго уже въ языкѣ слова новую звуковую формацию. И мы знаемъ, что, напр., отъ одного коренного слова aqua латинскій языкъ имѣетъ цѣлый рядъ вторичныхъ образованій: aquarium, aquariolum, aqualiculus, aquatus, aquatilis, aquaticus, aqueus, aquilentus, aquosus.

Но первый путь, т. е. путь созданія совершенно новаго звуковаго сочетанія, почти закрытъ для языка на той его ступени, когда онъ достигаетъ извѣстной внутренней устойчивости и широкаго внѣшняго распространенія. Постоянный приростъ все новыхъ и новыхъ звуковыхъ комплексовъ затруднялъ бы взаимное пониманіе людей, да сверхъ того и творческая изобрѣтательность языка, въ нахожденіи еще неизвѣстныхъ дотолѣ звуковыхъ сочетаній, не можетъ не имѣть своихъ предѣловъ.

Методъ дериваціи и сложенія словъ болѣе легокъ и болѣе удобенъ. Здѣсь пользуются уже готовымъ пластическимъ матеріаломъ, извлекаютъ изъ существующихъ уже словъ новыя, которыя, въ корневой своей части, являются уже знакомыми и понятными для всѣхъ.

Однако и этотъ методъ не можетъ получить широкаго примѣненія. Дѣло въ томъ, что путемъ дериваціи можно

получить не такъ ужъ много словъ, особенно если сравнить ихъ количество съ числомъ вновь возникающихъ вещей, явленій и идей, требующихъ себѣ названія. Кромѣ того, фактически бываетъ такъ, что только наиболѣе удачныя новообразованія (*neologismes de mots* у Darmester'a) упрочиваются въ языкѣ, большинство же живетъ не долѣе своего создателя и не входитъ въ общій оборотъ рѣчи.

Напротивъ, методъ семасіологическихъ измѣненій, когда происходитъ не количественный приростъ словъ, а такъ сказать, растяженіе старыхъ, распространеніе ихъ на новые объекты (*neologismes de significations*), имѣетъ несравненно болѣе широкое примѣненіе, чѣмъ оба первыхъ метода, и при томъ, надо замѣтить, примѣненіе постоянное, непрерывное ¹⁾. И здѣсь всего ярче и интенсивнѣе проявляется жизненная гибкость, эластичность языка. Варіаціи смысла это наглядный признакъ частаго употребленія словъ въ живой рѣчи, гдѣ они пріобрѣтаютъ такое разнообразіе оттѣнковъ. Наоборотъ, неподвижность значенія это симптомъ умиранія слова.

Вглядываясь въ процессъ наименованія новыхъ вещей и явленій при средствѣ расширенія смысла старыхъ словъ (методъ семасіологическихъ измѣненій) мы не можемъ не замѣтить, что въ слѣдованіи по преимуществу, этой дорогой, сказывается общая психологическая тенденція — идти по пути наименьшей траты силъ, — безсознательное стремленіе экономить расходъ психической энергіи.

Называя новый предметъ старымъ словомъ, мы безсознательно стремимся отождествить новое неизвѣстное съ чѣмъ нибудь прежнимъ, знакомымъ, и, такимъ образомъ, — упростить, облегчить себѣ пониманіе его. Отождествленіе это часто основывается на немногихъ чертахъ сходства. Сходство бываетъ нерѣдко совершенно случайное, грубое, поверхностное, для научнаго познанія вещей ничего не дающее ²⁾. Но важно

¹⁾ Милль, Система логики (переводъ подъ ред. Ивановскаго), стр. 27: „Изъ страха предъ общимъ неудовольствіемъ на допущеніе новыхъ словъ... человечество всегда старалось выразить постоянно возраставшее количество вещей и различій между ними прежнимъ числомъ именъ“.

²⁾ Бываетъ, конечно, и наоборотъ. См. Милль, Система логики, стр. 112: „Переходы значенія словъ часто указываютъ на реальную связь между означаемыми даннымъ словомъ вещами, связь, которая иначе могла бы ускользнуть отъ вниманія мыслителей или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ

не то. Важно то, что сходство это все-таки бросалось не одному, не двумъ, а многимъ лицамъ, что оно поражало въ свое время людей, тогда какъ для насъ, положимъ, оказывается уже не столь осязательнымъ и кидаящимся въ глаза. Почему мы не останавливаемъ на этомъ сходствѣ свое вниманіе, а тѣ останавливали? Сосредоточеніе вниманія, направленіе его въ сторону извѣстныхъ признаковъ предмета, показываетъ, что эти признаки и черты легко вызываютъ резонансъ въ томъ кругѣ мыслей и представлений, какой господствуетъ въ душѣ. При сопоставленіи новаго предмета со старымъ, выступаютъ обыкновенно на передній планъ тѣ признаки, тѣ стороны, которые въ предшествующемъ опытѣ уже достаточно часто встрѣчались или оставили яркое впечатлѣніе. Мы смотримъ на вещи, какъ сказалъ кто-то, тысячью глазъ своего предыдущаго опыта. Понятно поэтому, что упомянутые признаки становятся исходнымъ пунктомъ и вмѣстѣ центромъ созерцанія и по нимъ-то обычно и дается названіе новому предмету, новому явленію, хотя бы эти признаки и не были существенными и основными въ данномъ новомъ предметѣ.

Такимъ образомъ, имя въ своемъ новомъ значеніи неизбежно впечатлѣваетъ ту группу идей, которой апперцепируется, охватывается новое явленіе ¹⁾. Но эта апперцепирующая масса идей есть не что иное, какъ накопленное долгимъ опытомъ отдѣльной личности или цѣлаго народа, духовное наслѣдіе, въ видѣ извѣстныхъ умственныхъ привычекъ, извѣстнаго взгляда на вещи. Процессъ семасіологическаго расширенія словъ это рядъ энергичныхъ реакцій, которыми привычный складъ мыслей отвѣчаетъ на вторженіе въ сознаніе новыхъ элементовъ. Понятно отсюда, какой свѣтъ можетъ бросать наука, изучающая семасіологическіе

нихъ, которые (потому ли, что они пользовались другимъ языкомъ, или въ силу какой либо особенности въ привычныхъ для нихъ ассоціаціяхъ идей) остановили свое главное вниманіе на какойнибудь другой сторонѣ вещей.“

¹⁾ Благодаря этому обстоятельству, имя, будучи пронесенно при другихъ людяхъ, можетъ показать имъ, какая мысль была передъ этими въ умѣ говорящаго (Гоббсъ у Милля: Система логики, стр. 15). Описание процесса расширенія значенія слова, какъ онъ происходитъ у дѣтей, дано, между прочимъ, въ Логикѣ Минто (ч. II, гл. I).

переходы, на психологію индивидуума и даже цѣлаго народа. И обратно, индивидуальная и коллективная психологія можетъ дать объясненіе многимъ запутаннымъ явленіямъ въ области семасіологіи, указать причины неожиданныхъ подчасъ модификацій въ значеніи словъ.

Мы видимъ отсюда, что изученіе слова въ его семасіологическомъ движеніи, параллельномъ движенію идей и смѣнѣ культурныхъ моментовъ, можетъ дать много интересныхъ въ психологическомъ и историческомъ отношеніи выводовъ. Оно показываетъ, какъ подъ покровомъ одного и того же звукового комплекса совершается очень сложная работа, происходитъ развитіе, челоуѣческаго духа, неустанно движущагося впередъ, переходящаго отъ одной идеѣ къ другой. Предъ нами обрисовывается, говоря словами французскаго семасіолога, „la marche de l'esprit dans les changements de sens“¹⁾.

Вообще надо замѣтить, что изученіе проявленій жизни языка въ моменты культурныхъ кризисовъ, нарожденія новыхъ идей, когда семасіологическіе процессы достигаютъ наибольшей степени своей интенсивности, — всегда бываетъ поучительно во многихъ отношеніяхъ. Какъ личность ярче всего характеризуется особенностями своихъ реакцій на все новое, такъ и языкъ.

Въ исторіи языка латинскаго такимъ именно моментомъ было появленіе въ предѣлахъ римской имперіи христіанства, внесшаго въ кругъ языческихъ римскихъ представленій рядъ совершенно новыхъ понятій и идей, естественно потребовавшихъ фиксаціи въ словъ.

Чтобы показать на конкретномъ примѣрѣ, какъ реагировалъ тогда латинскій языкъ на *genus novitas*, я постараюсь семасіологически анализировать одно слово, которое каждому теологу, особенно догматисту, хорошо знакомо, но семасіологическія судьбы котораго едва ли многимъ извѣстны во всѣхъ подробностяхъ. Рѣчь будетъ о терминѣ *sacramentum*.

С. Знаменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Darmester, *La vie des mots*, p. 32.